

* * *

Компьютер выключен.
Время Большой Игре.
Пора последних звонков,
 волнений
 от романтики до прагматики.
Выпускницы расправляют
 белые бантики,
А за домом,
 на бывшей спортплощадке,
 на пустыре
Мужик по пивным бутылкам
 бьёт из травматики.

Выстроил их
 в неровный стеклянный ряд,
Конечно, пустые: зелёные, белые
 и одна коричневая.
Вокруг полно осколков,
 на солнце они горят
Среди пакетов, окурков,
 в общем, мусор привычный, и,

Обеими руками держа
странно маленький пистолет,
Стрелок поднимает голову
и долго следит за птицами.
Все прекрасно знают,
что в ближайшую тыщу лет
Здесь не было и наверняка не будет полиции.

Он лупит по бутылкам всё увереннее,
с обеих рук,
Вот ведь собрал, расставил,
а раньше собирал и сдавал
на пивко да курево...
В этот момент Большая Игра
переходит на новый круг.
Небо штормит,
и камни грохочут на берегу его.

* * *

Тьма
Опускает сеть
На лёгкую добычу:
На слабый шепоток,
на эту нежность птичью,
На робкое — до слёз! —
желанье просто жить,
Губами снег ловить,
зерно ссыпать в кормушку,
Герани поливать из чайничка...
Неужто
Тебе, небесный мрак,
Невинный быт претит?
Зачем тебе, тоска и смертная забота,
Зелёный лопушок у хлипкого забора,
Раскрытое окно и занавески плеск?
Что будешь делать ты
с добычей бесполезной?
Бессмысленно греметь
решёткою железной,
Пытаясь запереть неуловимый блеск
Обыденной любви,
пекущейся о каждом?

Мы тянем эту нить, мы наши гнёзда вяжем
Над бездной пустоты
на прочных ветках звёзд.
Как будто паучки на лёгких паутинках,
На милых пустяках и радостях невинных
Мы просто улетим из наших летних гнёзд.
Но здесь, сейчас, пока, ночами громыхая,
Над нами ты стоишь, безумная, глухая,
И огненную сеть бросаешь с высоты
На долы и холмы, на пастища и пашни,
Я вижу, как тебе невыносимо страшно:
Пока вокруг любовь, несчастна будешь ты.

* * *

Так вот живёшь и ждёшь.
Сердце, как свечку, жжёшь.
И, подойдя к черте,
Шуришься в темноте:
— Господи, где Ты, где?

— Здесь. Никому из вас
Не закрывали глаз.
Даже в кромешном сне
Вы на пути ко Мне.

Если б Он говорил —
Так бы Он и сказал.
Если б хватило сил
Верить своим глазам,

Не опуская взор,
Не шелохнув ресниц...
Если Ты до сих пор
Снился — и дальше снись!

Сквозь опалённый лёд,
Сквозь реактивный вой
Сердце к Тебе плывёт
Капелькой восковой,

Крошкой небесных сот,
Искоркою тепла,
Выдохом слабым: “Вот,
Только и донесла...”

* * *

Пятнадцатое. День сороковой.
Печальный холмик, убранный листвой,
Над ним сирень — сухая, жестяная.
Над ней берёза в нимбе золотом
Стоит с улыбкой, словно вспоминая
Небесный дом.

Такая высота над головой!
Такой простор, пронзительно живой,
И птички переклички — будто вспышки.
И хочется скорей закрыть глаза:
Коль тайну эту увидать нельзя,
Быть может, угадать — хоть понаслышике.

Коснуться слабым краешком души:
— Светло ль тебе в твоих селеньях дальних?
А тут ещё светло, и мы пришли,
Хоть нам уже отказано в свиданьях,
У дорогого холмика земли

Увидеть жизнь в слезах её и тайнах,
Во всей её немыслимой тоске,
На тоненьком небесном волоске,
В скольжение бликов радостно-случайных.

* * *

Время сгущается над головой,
Ночь каменеет, как будто впервые:
Это на западе фронт грозовой
Передвигает полки боевые;

Это по южной степи ковыли
Молча, безропотно в пламя ложатся,
Это с востока везут корабли
Розовый пепел сгоревшего царства;

Это на севере белая мгла
Смотрит угрюмо и дышит свирепо,
Неосторожным движеньем крыла
Звёзды сбивая с морозного неба...

На перекрестье безумных ветров —
Ветхие стены, соломенный кров,
А у крыльца — молодой одуванчик
Солнцу навстречу раскрыться готов.

Кажется — всё, и развязка близка,
Ночь каменеет, пирует тоска,
Но неужели у нас меньше веры,
Чем у цветка?